

Niklas Luhmann

Einführung in die Systemtheorie

Dirk Baecker (Hrsg.)

Carl-Auer-Systeme Verlag
Heidelberg 2002

Carl-Auer-Systeme Verlag
Heidelberg

НИКЛАС ЛУМАН

**ВВЕДЕНИЕ
в системную
теорию**

Под редакцией Дирка Беккера

Пер. с нем. – К. Тимофеевой

ЛОГОС

Москва 2007

Перевод с немецкого – *К. Тимофеева*

Редактор перевода – *О. Никифоров*

Оформление – *А. Ильичев*

Издание осуществлено при поддержке
Фонда “Общественное мнение” (ФОМ), г. Москва

Никлас Луман

Введение в системную теорию (Под редакцией Дирка Беккера).
Пер. с нем./ К. Тимофеева. М.: Издательство “Логос”. 2007. – 360 стр.

Никлас Луман (1927-1998) – один из выдающихся социологов прошлого столетия. Его важнейшим достижением является включение социологической теории в контекст современной системной теории, а также разработка теории общества.

Лекционным курсом 1991/92 гг. Н. Луман предлагает живое введение во внутреннюю механику своей “системной теории”, получившей признание как в академических, так и в самых широких кругах в качестве “единственной за последние 30 лет серьезной попытки объяснить общество” (Gnostika).

ISBN 5-8163-0076-8 (978-5-8163-0076-6)

Печатается по изданию:

Niklas Luhmann. Einführung in die Systemtheorie. (Hrsg. – Dirk Baecker)

© Carl-Auer-Systeme Verlag. Heidelberg 2002

© Издательство “Логос” (Москва), 2007 – перевод, рус. изд., серия.

Содержание:

Предисловие.....	7
I. Социология и системная теория.....	11
1. Структурный функционализм	12
2. Парсонс.....	18
II. Общая системная теория.....	42
1. Теория открытых систем.....	42
2. Система как различие (анализ форм).....	68
3. Оперативная закрытость.....	94
4. Самоорганизация, аутопойесис.....	104
5. Структурная сопряженность.....	122
6. Наблюдение.....	147
7. Повторное вхождение (Reentry).....	173
8. Комплексность.....	174
9. Идея рациональности.....	190
III. Время.....	203
IV. Смысл.....	229
V. Психические и социальные системы.....	256
1. Проблемы «теории действия».....	256
2. Два способа действия аутопойесиса.....	267
VI. Коммуникация как самонаблюдающая операция.....	299
VII. Двойная контингенция, структура, конфликт.....	327
Предметный указатель.....	356

VI. Коммуникация как самонаблюдающая операция

Тринадцатая лекция

Дамы и господа, у нас впереди еще две пары, и я снова су- жаю круг тем, на этот раз ограничивая его социальными системами. Это не означает, что мы уходим с теоретического уровня – просто возникает своеобразный эффект воронки. После короткого вступления, в котором говорилось о ступоре в развитии социологической системной теории, мы на самом общем уровне обсудили новейшее развитие системной теории в последние 20-30 лет, потом следовала часть, в которой мы, отталкиваясь от понятия смысла и времени, сравнивали психические и социальные системы, т.е. применяли свои познания к двум совершенно различным типам систем, а теперь, в последней части курса, я хотел бы сосредоточить внимание на социальных системах. Это будет своего рода переход к курсу лекций, который, вероятно, будет называться «Социальные системы». При этом те теоретические опции и установки, которые были приняты на прошлых лекциях, остаются в силе. Это относится прежде всего к главному моменту, который в литературе редко встречается в таком явном виде, а именно, что система производится целиком и полностью операциями и таким же образом определяется в наблюдении. Производитель системы – операция, и теорию мы должны разрабатывать таким образом, чтобы она ориентировалась на эту операцию, т.е. системная теория и теория коммуникации должны мыслиться вместе. Ведь, как я уже говорил, эта операция – коммуникация.

Таким образом, системная теория и теория коммуникации оказываются тесно связанными. Это означает, что сначала мы должны обратиться к нашему имеющемуся уже пониманию коммуникации и затем изучить обширную литературу – ведь сейчас уже есть целые кафедры «науки о коммуникации», и самые разные дисциплины занимаются коммуникацией – на предмет используемых в ней понятий, и тогда, как мне кажется, наша позиция будет позицией меньшинства. Дело в том, что вы – а если почитать литературу, то эту точку зрения можно

встретить и там – обычно думаете о коммуникации как о процессе передачи. Вы сами являетесь автором или получателем коммуникации, а другой, ваш партнер, перенимает сообщение, новость, информацию, как бы мы это ни называли. Сначала она здесь, потом она там, а вы активно или пассивно в этом участвуете. В литературе по кибернетике в 1950-х гг. эта предпосылка тоже не подвергалась сомнению. Многие технические исследования были направлены на то, чтобы рассчитать чувствительность к помехам и объемную мощность подобных процессов передачи.

Между тем уже высказывается критика, хотя и скрытая, этой модели передачи. Например, Матурана совершенно однозначно утверждает, что он понимает коммуникацию или использование языка, как он это называет, не как процесс передачи, а как сверхкоординацию координации организмов.¹³⁶ Есть и другие возражения, которые, на мой взгляд, сосредоточены на двух моментах. Один момент, пожалуй, довольно поверхностный. Всегда было очевидно, что в процессе коммуникации никто ничего не отдает. У того, кто что-то сообщает, знание не пропадает из головы. Это не так, как в эконолическом процессе: если ты заплатил, то этих денег у тебя уже нет, или если ты переуступил в собственность какую-то вещь, ты уже ею не владеешь. Здесь мы имеем дело с процессом, который явно носит мультипликативный характер. Сначала это есть только у одного, потом это знают двое или больше, или сотни, миллионы, в зависимости от того, какую сеть мы имеем в виду. Даже если придерживаться метафоры передачи, то здесь мы сталкиваемся с необычным процессом передачи, при котором ничто не утрачивается, а только преумножается.

У Грегори Бейтсона в различных работах, статьях, докладах вы найдете идею о том, что в случае коммуникации речь идет о создании избыточности, т.е. излишнего знания, излишнего с точки зрения того, кто хотел бы его узнать.¹³⁷ Если А сообщает

136 См. Maturana Humberto R. *Biologie der Realität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2000. S. 121 и далее и S. 361 и далее.

137 См. Bateson Gregory. *Ökologie des Geistes: Anthropologie, psychische, biologische und epistemologische Perspektiven*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. S. 524 и далее. [На русском языке см.: Бейтсон Г. Шаги на в направлении экологии разума. *Антропология. Избранные статьи*. М., 2005].

что-то В, то С может уже спросить об этом или у А, или у В. Если что-то было показано по телевизору, то вы можете спросить об этом практически любого. **Создается переизбыток знания**, знание преумножает само себя, и, соответственно, увеличиваются показатели забывания или деактуализации коммуникативного содержания. Вчерашнее знание сегодня уже никого не интересует. Это создание избыточности описывает коммуникацию, но ничего не дает для понимания операции. С какой же операцией мы имеем дело? Как мы опишем операцию, которая вызывает этот эффект излишка, а затем – избирательного обращения, т.е. избытка и селекции? Об этом в данных критических замечаниях относительно модели передачи ничего не сказано.

Другая критика менее распространена, но, на мой взгляд, она более существенная. Здесь рассматривается вопрос о том, не предполагает ли модель передачи применительно к наблюдателю или также к участнику, что состояние участвующих лиц известно, т.е. известно, что именно означает знание определенной рода в голове А и что означает знание в голове В. Ведь чтобы иметь возможность установить, что это одно и то же, нужно знать, что там вообще внутри. И если знание в голове В и знание в голове А совершенно различны, то, наверное, в этом случае сложно говорить о коммуникации. Но как вы узнаете, что знает кто-то другой? Или как вы узнаете, что определенная информация, например, на каком автобусе можно доехать до университета, одинаковая у всех? Одни предпочитают ездить на автобусе, другие не любят ездить на автобусе. Одни все время забывают номер, вынуждены спрашивать и злятся на самих себя. У других нет этой проблемы. Чем более конкретно системно-теоретическое представление о системах, чем больше оно соотносится с их конкретными эмпирическими состояниями, тем сложнее представить себе, что существует некое тождество или хотя бы сходство. Или, если сформулировать это иначе, возвращаясь к наблюдателю: конечно, наблюдатель может сказать, что это одно и то же. Так, сообщение о переносе лекции из одной аудитории в другую мы можем рассматривать как полученное нами в готовом виде. У нас состоялась коммуникация, и то, что мы знаем, – это то, что у нас состоялась коммуникация. Я не знаю, как вы воспримите то, что вам придется перейти на другое место, или с какими затратами в вашей психической

экономике связано понимание этого, хотя в прошлый раз было сказано, что лекция состоится в той же аудитории. Мы помним о коммуникации. Почему бы тогда с самого начала не ограничиться коммуникацией, тем более, что если бы коммуникация должна была каждый раз выяснять, в каком конкретном эмпирическом состоянии находятся субъекты, индивиды или целые социальные системы, например, профсоюзы, участвующие в коммуникации, то это бы чрезвычайно ее усложнило. В каком состоянии находился профсоюз в момент подписания договора? Зачем это знать? Скольких трудов это стоило бы и какую задержку во времени это означало бы, если бы нужно было выяснять это как в психической, так и в социальной сфере? Может быть, необходимость постоянно заниматься своими собственными предпосылками загнала бы коммуникацию в тупик? Но, возможно, в этом нет никакой необходимости.

Таковы два аргумента, к которым добавляется третий, но он, правда, отпадает, как только мы переходим к письменной коммуникации. Здесь предполагается, что коммуникация осуществляется только при одновременности сообщений и понимания. То есть не бывает так, чтобы я что-то говорил, а другой понимал бы это с определенной задержкой во времени. За счет того, что акустика, звук раздается сразу же, я слышу, как я говорю, в момент своего говорения. Задержка минимальна и не регистрируется психикой. Я исхожу из того, что и вы слышите то, что я говорю, в тот момент, когда я это говорю. Синхронность коммуникации является ключевым моментом по крайней мере для устной коммуникации (а о ней автоматически думают в первую очередь), и по этому моменту можно выявить единство операции. Коммуникация синхронна и происходит в пространстве, которое обозримо или устанавливается посредством коммуникации. Кто бы что ни слышал, кто бы ни сидел перед телевизором, в тот момент, когда что-то говорится, он понимает то, что говорится. Так что, собственно говоря, в дальнейших размышлениях о единстве нет необходимости.

И лишь когда мы задумываемся о том, является ли коммуникацией сообщение из текстов давно минувших дней (когда мы читаем Аристотеля или Гомера, даже не зная наверняка, жил ли он на самом деле), у нас появляется проблема, связанная с установлением единства коммуникации с такими далекими вре-

мениами. Но прежде всего здесь идет речь о гарантии единства, а именно о замещении аналитического единства пространственно-временным отношением. Это важный момент в коммуникации, который не очевиден в теории передачи.

Разумеется, любая критика теории или модели работает только в том случае, если есть встречное предложение: если это не передача, то что тогда? В концепции, которую я сейчас хочу представить и которая более подробно рассматривается в книге «Социальные системы», используется классификация, уходящая корнями в античность. По крайней мере, у стоиков она уже была, а в современной дискуссии она стала известна в 1930-е гг., прежде всего благодаря теории языка Карла Бюлера. Затем она переместилась в Америку и там отчасти растворилась в типологии речевых актов.¹³⁸ Суть ее заключается в делении коммуникации на три части, которые по-разному именуется, но в принципе обозначают одни и те же аспекты коммуникации. Договоримся о терминах: я говорю об «информации» (то, о чем идет речь), о «сообщении» и о «понимании». Существуют различные теоретические трактовки этой триады. Если исходить из теории актов, то можно выявить различные типы, в зависимости от того, что выходит на первый план: информация, экспрессивное поведение или получение [сообщения] адресатом. Этому посвящена обширная литература, которую объединяет ключевое слово «speech act». В этой связи можно указать на работы Остина и Сёрля.¹³⁹ Впрочем, сейчас это уже развернутая лингвистическая теория, которая во многих аспектах выходит за рамки лингвистики, например, в дискуссии об интенциональности. Здесь мы встречаем представление о том, что данную триаду можно разложить на типы или акты в зависимости от основного элемента. Бюлер говорил только о функциях языка, т.е. не о различных актах, а о том, что язык должен выполнять все три функции: предлагать возможности для сообщения, фиксировать информацию и предусматривать эффекты передачи, праг-

138 См. Luhmann Niklas. Soziale Systeme [F/M 1984], гл. 4; Bühler Karl. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Berlin: Fischer, 1934.

139 См. John L. Austin. Zur Theorie der Sprechakte (How to do things with Words). Stuttgart: Reclam, 1972; [Рус. пер.: Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М., 1999]; Searle J. R. Sprechakte.

матические эффекты или эффекты понимания.

Если мы сформулируем этот вопрос с точки зрения того, что такое коммуникация, в чем заключается ее единичное действие (unit act), в чем состоит элементарное единство системы, то это различение информации, сообщения и понимания тоже можно использовать, но только в качестве компонентов единства. Это означало бы, что коммуникация возникает только тогда, когда возникает это единство, состоящее из сообщения, информации и понимания – а это маловероятно с точки зрения эволюции. Если вы вспомните наши рассуждения по поводу языка, вам станет ясно, что коммуникация предполагает язык, который, во всяком случае, необходим для того, чтобы она осуществлялась регулярно и не ограничивалась отдельными, всем понятными жестами. Это также означает, что данное единство и его компоненты – информация, сообщение и понимание – не могут появляться изолированно, а всегда представляют собой аспекты оперативно осуществляемого единства, но при этом не являются элементами, атомами или какими-то заданными состояниями, которые нужно просто скомпоновать.

Это можно проиллюстрировать на примере понятия «информация». Здесь мы снова сталкиваемся с теми аспектами, которые разработал Матурана с целью критики общепринятой, в том числе биологической теории информации, в которой говорится, например, о «генетической информации»¹⁴⁰. Информация, если мы рассматриваем ее в этом контексте, – это всегда аспект коммуникации, то, что действует только внутри системы в качестве информации и внутри аутопоисеса тоже функционирует таким образом, что может дать какой-то повод или, другими словами, всегда присутствует, когда нужно придумать следующую операцию. Это сравнительно просто, если поразмыслить над тем, что мы понимаем под информацией. В разговорной речи мы употребляем слово «данные» и «информация», как если бы это было одно и то же, и при этом автоматически представляем себе листочки, записочки, маленькие частички или элементы, передаваемые туда-сюда. Информацию откуда-то получают и передают дальше, предварительно добавив к ней что-то свое, деформировав ее, извратив или сделав с ней что-то еще, но

140 См. Maturana Humberto R. Information – Mißverständnisse ohne Ende // Delfin VII. 1986. S. 24-27.

это всегда своего рода готовый продукт, переходящий из рук в руки. Это, конечно же, вписывается в теорию передачи информации. Однако, если приглядеться повнимательнее к тому, как определяется информация, то можно увидеть, что здесь всегда имеет место удивление или выбор из нескольких возможностей¹⁴¹. Когда мы произносим какое-то конкретное предложение, оно является выбором из множества предложений, которые можно было бы произнести, и этот выбор ограничен тем, что было сказано до этого. Когда мы узнаем новость, например, читаем в газете новость из области спорта, что кто-то выиграл или проиграл или был настолько болен, что не смог участвовать в соревновании, мы с самого начала имеем дело с контекстом, в котором может произойти нечто подобное. Мы не знаем заранее – когда, не знаем – кто выиграет, а кто проиграет, но теннисист не может выиграть футбольный матч, так что горизонты отбора информации всегда каким-то образом и обычно довольно узко определены, и нам не приходится прощупывать весь диапазон возможного, прежде чем мы поймем новость. Речь всегда идет о двухчастном процессе: о диапазоне возможностей и затем об отборе, в соответствии с которым происходит это и ничто другое.

Это, кстати, ведет к отмежеванию понятия «смысл» от информации, о чем я уже говорил в разделе, посвященном смыслу, поскольку информация – это всегда своего рода удивление в результате выбора. Если нечто повторится, то информация здесь в лучшем случае еще содержится в том, что этот нечто считает нужным повторять одно и то же. В армии, когда солдату отдается приказ, он всегда должен повторить то, что ему сказали, и тогда информация касается того, понял ли он приказ или нет, или же только делает вид, что понял, подчинится ли он указанию или нет – ну или что-то в этом роде, что может быть информацией в данном случае. Но при этом всякий раз нужно выстраивать новый контекст ожиданий и проводить новую реконструкцию.

Это сильный аргумент в пользу тезиса о том, что все это может происходить только внутри системы, потому что как иначе мы можем гарантировать, что горизонт ожиданий, число возможностей

141 См. определение в: Shannon Claude E., Weaver Warren. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, IL: Illinois UP, 1963. S. 31.

и, следовательно, информативная ценность, эффект неожиданности одинаковы внутри и снаружи или в одной и в другой системе? Если представлять себе некие частички, передаваемые от одного к другому, то это еще можно каким-то образом помыслить, но если более внимательно изучить структуру понятия «информация», эту дуальную структуру горизонта отбора и собственно выбора, то уже сложнее представить себе, как это должно происходить. Тогда, если мы хотим наблюдать, нам нужно уметь распознавать информационный горизонт (а это, разумеется, возможно) для того, чтобы установить, что для конкретной системы является информацией.

Если, к примеру, мы хотим наблюдать за тем, как бывшие социалистические политико-экономические системы создавали информацию об экономике, мы должны видеть, что это делалось посредством производственных планов: столько-то тонн того-то и того-то должно быть произведено и доставлено туда-то. Потом обнаруживалось, что план невыполнен или что система не работает. Таким образом, плановики рассматривали показатели, которые сами же и задавали, как аппарат для сбора информации. В этом аппарате не было информации об экономической рациональности. Была только информация о плане, и если вы хотите установить, какая информация об экономике обсуждалась в политике, вы должны наблюдать политическую систему. У нас, как мы уже говорили, другие способы получения информации об экономике, но та же самая проблема, только в другой форме. Если мы ориентируемся, к примеру, на показатели безработицы, валовой общественный продукт или стоимость валюты на внешнем рынке, то все это действительно обобщенные экономические показатели, но я не думаю, что крупные предприятия тоже ориентируются на них. Рамки, очерчивающие то, что имеет значение для экономического баланса предприятия и поэтому в значительной мере определяет экономическую рациональность, с одной стороны, и рамки, очерчивающие то, что является политически релевантной информацией из области экономики, с другой стороны, существенно различаются. Нужно всегда знать, каков контекст, исходя из которого данные, раздражения (Irritationen), новости – называйте это как угодно – приобретают информационную ценность.

Теперь мы должны отмотать это обратно к нашему более абстрактному вопросу относительно того, что информация есть ас-

пект коммуникации. Если вы хотите знать, какая именно информация, какие предпосылки и изначальные ограничения горизонта возможностей релевантны, вы должны наблюдать систему, в которой все это эффективно осуществляется. И если у вас другая система, то у вас и другая информация. Это согласуется с тезисом оперативной закрытости и аутопоезиса в том смысле, что информация всегда является внутрисистемным процессом, аспектом операции внутри системы.

То же самое, по-видимому – и здесь не требуется дополнительных доказательств – относится и к сообщению, потому что без сообщения не возникает информации и без сообщения также не возникает понимания. Таким образом, кто-то должен установить сопряженность с информацией и при этом быть доступным для наблюдения. Не думаю, что есть необходимость в более подробном объяснении: вряд ли кто-нибудь может представить себе коммуникацию без сообщения, если согласиться с тем, что речь может идти и о непреднамеренных сообщениях и что конструирование намерений, бывает, требуется для определенных целей, но, как правило, оно не нужно.

Наконец, третий компонент – понимание. Здесь тоже с самого начала очевидно, что понять можно только то, что было сказано, т.е. понимание не является чем-то таким, что может рассматриваться отдельно от коммуникации. Конечно, эту ситуацию можно изменить, если иметь в виду герменевтическое представление о понимании и, следовательно, покинуть сферу используемых для коммуникации тестов и трактовать мир как проблему понимания или что-то в этом роде¹⁴². Герменевтик имеет тенденцию начинать с текста, но потом расширять это понятие далеко за пределы того, что используется для коммуникации. Соответственно, возникает другое понятие понимания. Начиная, самое позднее, с Шлейермахера здесь прослеживается тесная связь с психическим пониманием. Если вы хотите понять, почему кто-то действует так, как он действует, то вам необязательно нужна коммуникация и вы не зависите от нее в своем понимании. Вам необходимы знания, и то, что вы наблюдаете, в частности, поведение, вы должны уметь соотносить с внутренним горизонтом другого, с тем, что

142 См., например: Gadamer Hans-Georg. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: Mohr 1965. [Рус. пер.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988].

он или она, по всей вероятности, имели в виду и почему он или она видят это так, а не иначе.

Расширение понятия «понимание» допустимо и в других научных контекстах, но если мы хотим создать теорию коммуникации и в этой связи говорим о понимании, мы всегда имеем в виду один компонент, без которого коммуникация не может быть завершена и который способствует ее реализации или актуализации. Здесь, как и в понятии информации, подразумевается не внешнее состояние, т.е. не психическое состояние самого понимающего, а условие продолжения коммуникации. Это означает, что следует различать понимание и непонимание. Если кто-то не понимает того, что было сказано, например, в силу того, что не знает языка, коммуникация не продолжается или продолжается на самых простейших основаниях. Собеседники пытаются говорить по-английски – это тоже не получается, тогда они пытаются изъясняться знаками и кое-как понимают, что не понимают друг друга, и все это может продолжаться довольно долго, если удастся перевести коммуникацию на другой уровень. Однако обычно непонимание служит поводом для встречных вопросов и выяснений внутри коммуникативного процесса, т.е. само, в свою очередь, подпитывает коммуникацию. Если кто-то сказал что-то слишком тихо и остальные услышали, что он что-то хотел сказать, но нечетливо поняли, что именно, они переспросят, и тогда есть возможность исправления.

Следовательно, понятие понимания включает в себя недопонимание (*Mißverstehen*), коль скоро оно не прерывает аутопоезис. На основании недопонимания можно коммуницировать очень долго. Это совершенно не необходимо и даже сильно обременило бы коммуникативный процесс, если бы всякое недопонимание приходилось прояснять. Иногда это не так важно, поскольку следующий акт так и так определяет [дальнейший ход коммуникации]. Хотя я могу видеть, что я неправильно понял или что есть вероятность, что что-то не так, достаточно просто предположить, что дальше будет так-то и так-то. Или наоборот, тот, кто что-то сказал, замечает, что другой вложил в его слова другой смысл, но он не считает нужным постоянно его исправлять. По характеру или в силу социализации он не склонен учительствовать, а думает так: «Ничего, мы разберемся, несмотря на эти недоразумения». Так что вопрос о том, будет ли продол-

жаться настойчивое докапывание до истины и исправление, когда коммуникация как бы в состоянии простоя направлена на эту проблему, решается внутри системы. Будучи наблюдателем, в этом отношении легко распознать определенные закономерности, если проявить к этому интерес.

После того, как мы рассмотрели три этих компонента, основной вопрос касается того, как конституируется единство операции или что делает коммуникацию единством. Ведь для этого недостаточно просто информации, сообщения и понимания; должно произойти нечто такое, что обеспечит синтез. Как это происходит? Если мы не предьявляем слишком высоких требований к правильному пониманию, полагая, что сообщающий не должен на самом деле обнаруживать свое внутреннее состояние и что необязательно нужно знать, из каких горизонтов осуществляется выбор информации, если согласиться со всеми этими прагматическими послаблениями, по-прежнему остается неясным, как образуется единство. И здесь я начал бы с понимания, что довольно четко отличает нашу теорию от любой теории действия. В структуре теории, которая строится на дифференциалистском подходе, теории различения и концепции наблюдателя, эта триадичность всегда бросается в глаза. С какой стати их три? Ведь мы, как правило, имеем дело с двумя сторонами: хороший и плохой, маленький и большой, общий и особенный и что бы то ни было еще, а третий компонент мы склонны исключать. И вот теперь мы неожиданно оказываемся перед тройственным различием. Как это понимать? Может быть, задача третьего фактора – позволить увидеть два других в диаде, как различение, а потом свести их вместе? Тот, кто любит уровневые модели, сказал бы, что это происходит на другом уровне. Но это не должно нас вводить в заблуждение. Пока мы можем лишь удивляться тому, что создание единства организовано как бы на одном уровне с диадой: что из трех компонентов один, так сказать, отвечает за трактовку диады – различия информации и сообщения – в качестве единства. Происходит своеобразный скачок в единство, обеспечивающий возможность продолжения [коммуникации].

Вы, наверное, еще помните, что при рассмотрении теории знаков или семиотики я столкнулся с аналогичной проблемой. Есть означающее и означаемое, а что является единством это-

го различия? Что такое знак? Здесь мы тоже имеем триаду, которая широко обсуждалась в литературе, начиная с Пирса, и развивалась в направлении прагматики. С точки зрения подхода, основанного на теории различия, дифференциалистской теории и теории наблюдения, обращает на себя внимание то, что один компонент как бы наблюдает два других или, другими словами, занимает в этой модели позицию наблюдателя. Таким образом, если на уровне понимания не будет проводиться различие между сообщением и информацией, коммуникация не состоится. В компоненте «понимание» коммуникация как раз и создает двойственность информации и сообщения, которая и делает ее коммуникацией. Простите мне сложный способ изложения, но я полагаю, что здесь важна точность.

Перед нами вопрос, как возникает единство, и мы не можем возложить ответственность за это на какой-то внешний фактор, который, как высшая инстанция, проявляет благосклонность, вмешивается и соединяет компоненты. Нет, это должно происходить в рамках аутопойесиса в самом способе оперирования. Идея в том, что это достигается в понимании; насколько это понимание эксплицитно, это уже другой вопрос, но коммуникацию мы воспринимаем, только когда видим, что кто-то что-то сказал и что этого «кого-то» и это «что-то» можно различить. Это предполагает, что кто-то говорит о себе, что он говорит: «Ну я сегодня и устал», или «Мне неохота», или «Я очень хотел бы это сделать». В этом случае он сообщает информацию о себе самом, и мы обладаем достаточно изощренным умом, чтобы не принимать информацию, которую кто-то дает о самом себе, просто на веру, а сразу начать думать: как это он сейчас этого хочет? Почему это он в таком состоянии или почему это он обозначает себя как человека, находящегося в состоянии желания чего-либо? Пределы этой изощренности определяются лишь временем и способностью. Если нам это важно, мы можем реагировать весьма утонченно; если же, как это обычно бывает, нам все равно, то и реакция соответствующая.

Мой тезис таков, что различие по отношению к информации и сообщениям в понимании является основополагающим. В противном случае мы переживаем только поведение. Оно тоже может сообщить некоторые сведения о других людях, но это не коммуникация. В понимании достигается взаимосвязь меж-

ду информацией и сообщением, причем в значительной мере за счет языка, потому что если кто-то выражается вербально, ясно, что он хочет сообщить то, что он говорит. Тогда содержание фиксируется благодаря языку, а сам факт говорения показывает, что он хочет это сообщить. Говорение не случается с кем-то, по крайней мере, в нормальном состоянии: человек сам хочет что-то сообщить, причем именно то, что он говорит – с определенными допущениями неточности. Конечно, это может быть ложь, или тот, кто что-то говорит, может дать понять, что на самом деле он хотел бы сказать нечто другое, чем то, что он сказал. Таким образом, мы получаем доступ к тонкостям повседневной коммуникации, но это ничего не меняет в том факте, что синтез достигается в понимании и за счет того, что понимание включает в себя самое себя. Понимание, если угодно, понимает, что оно понимает. Оно понимает, что оно кладет начало чему-то, что речь идет не просто об объяснении мира, а об условии участия в коммуникации или, если смотреть с точки зрения коммуникативной системы, об условии продолжения коммуникации. Если вы извлекли из сказанного недостаточно для того, чтобы самому отреагировать или чтобы следить за дальнейшим ходом коммуникации, вы отключаетесь и сами выводите себя из коммуникации. Тогда коммуникация теряет часть своей мощности в отношении вовлечения (инклюзии) участников. И это осознается в понимании. Мы внимательно слушаем, следим за мыслью, думаем, пускай вяло (конечно, все это зависит от контекста), пускай зачарованно, и постоянно создаем возможность совместно обеспечивать продолжение коммуникации. Это описание кажется психологическим, но и здесь, как всегда, имеется в виду уровень коммуникации. Это означает, что если коммуникация осуществляется, то можно исходить из того, что понимание присутствует в достаточной степени, хотя и всегда с достаточной степенью недопонимания.

В этом заключается причина того, что коммуникацию можно также описать как самонаблюдающую операцию. Вы помните, как абстрагируется понятие «наблюдение». Речь идет об использовании различия для того, чтобы что-то обозначить. Различение, используемое в процессе коммуникации для самонаблюдения коммуникации, есть различение сообщения и понимания. Без этого встроенного самонаблюдения коммуника-

ция вообще не могла бы состояться. Это во многих отношениях нетипичный признак, потому что обычно мы четко различаем операцию и наблюдение. В нормальные жизненные процессы, в биохимические процессы и в органическое поведение самонаблюдение не встроено таким образом. Существуют сложные механизмы обратной связи, которые предполагают возможность дискриминации каких-то состояний. Если называть это наблюдением, то получится другое понятие наблюдения, и тогда можно будет представить себе самонаблюдение, например, иммунной или нервной системы, однако разница очевидна. В коммуникации самонаблюдение неизбежно. Если мы таким образом распределяем понятия, то нам не избежать представления, что операция и наблюдение могут осуществляться только *ino actu*, только одновременно. И вопрос в том, для чего это предусмотрено, почему это так или какую выгоду имеет система от того, что оперирует подобными ситуациями.

Ответ на эти вопросы связан с вопросом о том, чего добивается коммуникация, к чему она приводит, каков эффект или функция коммуникации. И здесь мы снова сталкиваемся с ситуацией четкого расхождения — с одной стороны, обычного понимания, общепринятых воззрений и, с другой стороны, распространенной теории, утверждающей, что смысл коммуникации заключается в установлении согласия (консенсуса). Согласно этой теории, речь здесь идет о попытке кого-то в чем-то убедить. Человек пытается что-то передать, перенести какую-то информацию, которой он сам обладает, в голову другого человека и потом считать эту же самую информацию отправной точкой для общего мировоззрения или совместного действия. Функция коммуникации здесь состоит в установлении согласия. Поскольку обычно это сделать не удается или это сложно проконтролировать, это превращают в норму, утверждая, что даже если этого не происходит фактически, все равно так должно быть. Люди стремятся к взаимному согласию. И только это является «коммуникативным действием» в терминологии Хабермаса: существует много разных типов коммуникативного поведения, но коммуникативное действие всегда ориентировано на достижение консенсуса¹⁴³.

143 См. Habermas J. Die Theorie des kommunikativen Handelns [F/M 1981].

Если же исходить из концепции аутопойесиса, то становится страшно при мысли о том, что же произойдет, когда консенсус будет достигнут. Тогда, по идее, коммуникативное действие тоже должно прекратиться. Хельмут Шельмут однажды задал этот вопрос Хабермаса: «Что будет после достижения согласия?» Разумеется, по мнению Хабермаса, в мире столько проблем, что невозможно себе представить, что мы когда-нибудь придем к полному согласию всех людей по всем вопросам. Жизненный мир как предполагаемый консенсус по-прежнему содержит в себе такой объем разногласий, что угроза того, что когда-нибудь мы сможем удовлетворенно откинуться в кресле и сказать: «Ну вот мы этого и добились, теперь в коммуникации нет необходимости, теперь мы единодушны», вряд ли существует. Но если проблемы комплексности или объема настолько ужасны, настолько драматичны, то какой тогда смысл требовать противоположного и таким образом встраивать в понятие коммуникации стремление к консенсусу, как будто все остальное уже и не является коммуникацией? Почему мы превращаем невозможность в норму? Иначе говоря, кто скажет нам, в каких случаях это должно осуществляться, если оно не может осуществляться ни в каких случаях?

Эти представления связаны также с «коммуникативным действием» и с представлением о действующем лице как о ком-то таком, кого можно подвести под нормы, т.е. кто соответствует нормам и в процессе коммуникации ориентируется на взаимопонимание, на консенсус, или наоборот, не ориентируется на него, но в обоих случаях совершает действие по своему усмотрению. В своем коммуникативном действии он ориентируется на норму.

Но все меняется, когда мы встаем на другую почву и говорим, что коммуникация есть отдельный независимый процесс, который хотя и может определять сообщение как действие, но этим не исчерпывается коммуникация в целом, а в лучшем случае только обозначаются адресаты (К кому мы должны обратиться, когда возникнут какие-то сомнения? К тому, кто это сказал!) или ответственность (Кто обработал информацию таким образом, что мы на нее купились, а потом выяснилось, что все было искажено, что-то важное упущено, риски недооценены или как это еще называется сегодня?). Коммуникация — это процесс, поднявшийся над действием; он атрибутирует, приписывает, конструирует

действия, но сам действием не является. В таком случае отпадает и представление о том, что [коммуникативное] единство можно осуществить в качестве действия и что это дает возможность нормативного контроля над тем, является ли какое-то действие стратегическим или инструментальным, происходит ли ущемление чьих-то прав или все было этически корректно, имеет ли место ориентация на категорический императив или нет.

Чтобы четко показать вам разницу, скажу, что вместо этой теории, считающая завершением коммуникативного акта, единого коммуникативного события, коммуникативной операции понимание, оставляет абсолютно открытым вопрос о том, что происходит после этого, а особенно вопрос о том, какой будет реакция на понятие — «да» или «нет». Ведь для чего тогда в нашем языке существует слово «нет»? Результаты — не консенсус в нормальном или идеальном случае или его отсутствие и до-садные отклонения во всех остальных случаях. То, что возникает в результате, — это бифуркация. Процесс, достигший точки понимания, может или принять то, что понято, в качестве предпосылки дальнейшего коммуницирования, или отклонить. Сначала коммуникация, если понимать ее совершенно абстрактно, без добавлений вроде указания на истинность, открыта в отношении «да» или «нет». Было бы скверно, если бы коммуникация уже сама по себе дискриминировала «нет» и склоняла бы нас к тому, чтобы считать ее правильной просто в силу того, что это коммуникация. Хотя впоследствии это было изобретено под видом риторики или техники убеждения — я к этому еще вернусь. Опция «да или нет» открыта. Это означает, что результат сообщаемой информации — или «да», или «нет» — включен в качестве предпосылки последующей коммуникации.

В книге Джеймса Г. Марча и Герберта А. Саймона об организации, которая была издана в 1958 г. и стала классической в теории организации, основанной на концепции принятия решений, есть одна или полторы страницы о поглощении неопределенности («uncertainty absorption»), где говорится о том, что информация обрабатывается, что результаты сообщаются и что другие, окружающие, ориентируются только на результаты, а не на источники, из которых были сделаны выводы¹⁴⁴. Это касае-

144 «Поглощение неопределенности имеет место тогда, когда из совокупности данных сделаны выводы и предметом коммуни-

ся организаций, и возможности обобщения этой идеи пока не обнаружены. Но мне кажется, что эта мысль имеет большой радиус действия и в данном контексте может помочь нам продвигаться дальше. Поглощение неопределенности означает, что у нас обычно нет возможности всякий раз начинать с самого начала, всякий раз спрашивая у говорящего, почему он сказал именно это, а не что-то другое, каким был его горизонт выбора и так далее. Мы не можем каждый раз зарываться в то, что уже прошло. Время убегает от нас, но мы можем сказать «да» или «нет». Поэтому нам, по-видимому, уже не нужно заниматься изысканиями, каким образом что-то состоялось, почему информация стала текстом или была произнесена вслух, почему это теперь стоит на повестке дня, приводится как факт и так далее. Вместо этого мы можем сказать, что мы этому не верим или попросить объяснений в каком-то ограниченном объеме. Но сам процесс коммуникации в каком-то смысле спешит вперед. Он всегда разворачивается последовательно. Он не может постоянно запутываться в самом себе. Так что опция да/нет является совершенно абстрактной; она сокращает коммуникацию и предопределяет последующие шаги — в зависимости от того, продолжается ли коммуникация и дальше в русле сказанного «нет» и развивается в сторону конфликта или же, невзирая на сказанное, сообщение берется за основу для дальнейшей коммуникации.

Кстати, есть очень хорошее определение «авторитета», которое я как-то предложил Хабермасу в качестве замены его трактовки «господства». Его автор — Карл Иоахим Фридрих, а найти его можно в первом томе «Nomos», американском издании материалов конференций, где авторитет определяется как «capacity for reason elaboration», т.е. как способность указывать причины, которая, однако, действует уже в качестве способности¹⁴⁵. Если постоянно спрашивать, какие есть причины для того или иного, а потом искать причины уже полученного обоснования, неизбежно столкнешься с невозможностью бесконечного у-

казания становятся уже эти выводы, а не данные как таковые».

145 См. March James G., Simon Herbert A. Organizations. New York: Wiley, 1958. P. 165.

145 См. Friedrich Carl Joachim. Authority, Reason, and Discretion // Friedrich Carl Joachim (Ed.) Authority (Nomos I). Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1958.

лублиния в прошлое. В этом случае авторитет служит поглощению неопределенности, своего рода упрощению, которое позволяет продолжать коммуникацию на основании допущения, что кто-то может указать причины, почему он выбрал эту тему, а не какую-то другую. Можно спросить, сможет ли Хабермас, если он уже обходится без господства, т.е. без потенциала давления, обойтись и без авторитета. Эти идеи об авторитете и поглощении неопределенности, об упрощении и редукции комплексности как предпосылки дальнейшего аутопоисса, т.е. присоединения операций должны, на мой взгляд, занять основополагающие позиции в теории коммуникации. Сюда же относится опция *da/nem*. Она выполняет направляющую функцию в отношении дальнейшей коммуникации, но, как правило, не приводит к тому, что участники коммуникации еще раз повторяют или просят других повторить или расширить основания, т.е. процесс поглощения неопределенности как таковой.

Для такой обратной перемотки коммуникации может быть два разных повода: неправильное понимание и отвержение. На неправильное понимание тот, кто считает, что его неправильно поняли, может среагировать, дав разъяснения. Он может как бы приостановить процесс и сказать: «Я уже вижу, что мои слова неправильно поняты; вообще-то я хотел сказать то-то и то-то». Или наоборот, он реагирует на «нет», задавая встречный вопрос: «Почему ты это отвергаешь?». Или же он предвосхищает «нет» в своем сообщении и уже заранее приводит аргументы, преодолевающие вероятное «нет», которого он опасается или которое считает возможным. Но все это лишь модификация ключевой фигуры – бифуркации. Мой тезис заключается в том, что существует связь между аутопоиссом, т.е. открытостью непрерывного продолжения (*Immerweitermachen*) и нелинейностью присоединения операций, в соответствии с которой коммуникация не протекает всегда в одном и том же русле, а всегда имеет две возможности. Это упрощение за счет бинарности служит компенсацией непостижимой сложности самого процесса.

Но если это так, то возникает вопрос, не должно ли в итоге получаться равномерное распределение «да» и «нет»? Почему же тогда «да» больше, чем «нет»? И так ли это на самом деле? Как направляется эта опция? Этот вопрос можно проработать с разных точек зрения. Одна возможность заключается в утверж-

дении, что коммуникация с точки зрения логики начинается, если можно так сказать, с понимания, а не с сообщения. Тот, кто что-то сообщает, уже заранее предугадывает, будет ли он понят и будет ли то, что он скажет, приятно или неприятно, приемлемо или неприемлемо. Так что в сообщении условие понимания циркулярным образом уже предусматривается; участники в достаточной степени социализированы и сам процесс коммуникации достаточно прозрачен, чтобы можно было оценить, будешь ты иметь успех или нет. Я думаю, что эта предпосылка является базовым условием коммуникации, потому что в противном случае вероятность того, что будет достигнуто понимание, которое не будет постоянно вызывать несогласие, действительно ничтожна. Потому что всегда приходится исходить из того, что сколько людей, столько и разных умов; и что процесс коммуникации всегда избирателен вследствие того, что он трактует информацию, а за счет того, что он трактует смысл, он всегда указывает на выбор из других возможностей, которые тоже представлены в коммуникации. Как бы это работало, если бы в коммуникацию не был включен своеобразный упреждающий самоконтроль?

Это тем более относится к элементарной ситуации интеракции. Если коммуникация происходит между присутствующими, довольно скоро можно заметить, доходит твои слова до другого или нет. Некоторые люди невосприимчивы к этому, но и они когда-то замечают, что их слова не доходят до других, и могут по выражениям лиц приблизительно определить, как идет разговор – нормально или нет. Интеракция, одновременность и восприятие, которое тоже имеет значение, представляют собой некий контроль за тем, что то, что говорится, допустимо, или что можно понять, когда участники настроены на конфликт. Это, разумеется, тоже вполне возможно с точки зрения интеракции. Всю коммуникацию можно выстроить в направлении конфликта. Мне кажется, это тоже понятно и тоже работает в рамках коммуникации. Приятно это или нет и какие это может иметь последствия – это уже другой вопрос, но пока мы остаемся на уровне процесса коммуникации, «нет» или конфликт здесь вполне понятны. Если имеет место непонимание, то коммуникация так и так прекращается, независимо от того, приятно это или нет и как это идет – через «да» или «нет».

Эта нормальная ситуация (и сейчас я вынужден забежать вперед, к завершающей части сегодняшней лекции), пока не появляется письменная коммуникация. Это само по себе странно, но я, как уже было сказано, очень скоро к этому еще вернусь. Пока же нам достаточно знать, что несколько тысяч лет назад возникла письменность и люди привыкли (потому что сначала это было не так) использовать ее в том числе в целях коммуникации, а не только для фиксации текста. Тогда мы имеем ситуацию, в которой тот, кто пишет, остается один. Вы можете заметить это в любой ситуации, когда вы сидите вместе с другими людьми и вдруг начинаете писать, пишете все больше и больше, а остальные сидят и ждут, когда вы закончите и снова будете доступны для коммуникации. Письмо, как и чтение, изолирует. Со своим текстом можно быть только один на один. Другие при этом не играют никакой роли. Возможно ли это в ситуации интеракции, это другой вопрос. Иногда это позволительно, как сейчас, когда вам, разумеется, разрешено записывать. Иногда это сложно делать. Но, конечно, особенно интересна возможность изготавливать текст, когда никого нет рядом и никто не протестует, никто не исправляет, никто не вмешивается. И наоборот: впоследствии хорошо иметь читателя, для которого верно то же самое, читателя, который задумывается над своими собственными мыслями, который может нормально читать, который обнаруживает противоречия, неправдоподобные пассажи и так далее.

Есть интересные романы на основе любовных писем, в которых рассказывается о соблазнении в процессе переписки¹⁴⁶. Дама получает письмо, в котором сигнализируется известный интерес. Она возмущена и не отвечает. Потом приходит второе письмо. Кавалер хочет осведомиться, получено ли первое письмо, и она пишет: «Да, письмо получено, но я прошу вас немедленно прекратить переписку». А потом приходит следующее письмо: «Большое спасибо за Ваш ответ». Она прячет все в свою шкатулку, снова и снова перечитывает эти письма, по крайней мере, он на это надеется, и когда-нибудь она оказывается в ситуации, когда ей нужно сказать «да» или «нет». И в

этих французских эпистолярных романах любой выбор будет роковым: если она скажет «да», она будет несчастна, потому что, разумеется, он не даст ей той стабильности, какую обещал, а если она скажет «нет», она тоже будет несчастна, потому что все время будет думать об упущенной возможности. Это основано; темой этих романов является соблазнение через письменный текст. То, что можно соблазнить миловидной внешностью и любезностью в кругу присутствующих, это другое дело, это само собой разумеется, но то, что это работает и через письменный текст, это интересно. В соблазнении через письмо выбор между «да» и «нет» приобретает уже другой оттенок.

С точки зрения истории культуры, наверное, можно было бы сказать, что письменность подтолкнула не только к более точному выражению (к этому я еще вернусь), но и к тому, чтобы преодолеть новую вероятность «нет» — почему я должен воспринимать текст, когда он лежит передо мной, как информацию, которую я могу использовать? — посредством контрамер. Это может быть, например, связанная форма в поэзии, ритмика или, как сказал бы Платон, рапсодическая организация, напевное течение, которое, как в устной коммуникации, подхватывает в свой ритм, и человек уже особо не задумывается, а в конце концов принимает все как есть. Или же это достигается с помощью изоциррированной риторики, которая возникает в то же время, после установления алфавита. Здесь язык, как правило, на основе написанных ранее текстов стилизуется для достижения большей убедительности, т.е. так нагружается мотивами, выражениями и так далее, что есть надежда услышать скорее «да», чем «нет», и это даже в том случае, если мы говорим о речи в суде или когда приходится рассчитывать на столкновение противоположных интересов и сопротивление. Эта риторическая традиция, как предстоит узнать некоторым из вас, сыграла огромную роль в европейской истории в качестве воспитательной программы, своеобразного тренинга ораторского мастерства для дворянства, которое должно было уметь отстаивать свои интересы не только при помощи оружия, но и при помощи слов. Главный вопрос заключается в том, должен ли оратор обладать знаниями, может ли он использовать дезинформацию или он может иметь успех просто в силу большего знания. В этой связи стоит упомянуть, например, Цицерона или Квинтилиана.

¹⁴⁶ См. Friedrich Carl Joachim. Authority, Reason, and Discretion // Friedrich Carl Joachim (Ed.) Authority (Nomos I). Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1958.

Но это только одно направление реакции на письменность – в области устной речи. Когда появляется письменность, устность вынуждена формировать себя заново, и в связи с этим возрастает вероятность «нет». Другие возможности лежат в сфере, которую я называю «символически генерализованные медиа коммуникации». Здесь речь идет о символах, которые обуславливают, что можно сказать, чтобы мотивировать. Таким образом, в саму коммуникацию встраивается новое равновесие обуславливания (*Konditionierung*) и мотивации. Обуславливание означает, что власть имущий должен уметь угрожать, держать наготове возможность физического насилия и уметь это убедительно показать, и тогда он сможет формировать у подчиненного мотивы покорности, неудобного послушания, которые он желает получить, но которые не возникают сами по себе. Или деньги как другой медиум, в котором человек предлагает оплату, чтобы получить что-то взамен, что в другом случае он бы не получил. Или же истина как возможность добиться признания нового знания, не того знания, которое было и так уже известно всем и каждому, а нового или невероятного знания. Тут нужно иметь доказательства или аргументы, нужно уметь что-то показать. Так что дискурс истины тоже является обусловленным в направлении преодоления сначала высоковероятного «нет», когда речь идет о нововведениях или об отклонении от привычного понимания, например, когда в античной Греции религиозно ориентированная медицина была дополнена эмпирической естественнонаучной медициной.

Важно то, что этот параллелизм предупреждающего контроля, который необходим всегда, и повышения шансов на положительный отклик мы можем осмыслить с помощью одной-единственной теоретической концепции, а именно с помощью теории бифуркации, равномерного распределения «да» и «нет», и представления о том, что коммуникация происходит и в том случае, когда еще не решено, для чего ее используют, направлена ли она положительно или отрицательно, есть ли потребность в ней как в основе для следующей коммуникации или нет, и что это повторяется в каждом акте. Как только добавляется новая коммуникация, снова образуется эта вилка, и мы снова можем сказать «да» или «нет». Мне представляется, что эта ситуация была своего рода программой культурной эволюции в

том смысле, что приходилось постоянно прилагать усилия для уменьшения вероятности несогласия, хотя поначалу эта вероятность высока. В этом месте теория переходит в историческое исследование, посвященное вопросу о том, каким образом формируются политика или экономика, которая впоследствии в какой-то момент уже может работать с чеканными деньгами.

Это было первое размышление по поводу реакции на *данет*-бифуркацию. Другой вопрос, о котором я сейчас лишь упомяну, но над которым, на мой взгляд, стоит подумать ввиду сегодняшней ситуации, касается того, можно ли достичь рефлектируемого понимания на основании «нет»: нет ли в политической сфере, но также, например, во всех вопросах, касающихся брака, возможности позволить другому человеку придерживаться своих убеждений, не обращая его в свою веру, не принуждая его к чистосердечному «да», а достичь такого взаимопонимания, которое как бы нейтрализовало именно эту толерантность «нет» на данный момент и впредь до отмены. «Нет» сохраняется в качестве вероятности, но достигается взаимопонимание: мы будем делать то так, то так. Правым будешь считаться то ты, то я. Мы настолько повышаем неопределенность в отношении правильного, что сделать что-либо становится возможным только с прагматических позиций и что, в конечном итоге, это безразлично, коль скоро позиции остаются опровержимыми. Мне кажется, такие построения сегодня начинают появляться в сфере исследования рисков.

Алоиз Хан недавно снова делал доклад в Билефельде по результатам своего исследования брака, а именно панельного исследования молодоженов, основанного на технике циркулярного вопроса: «Как ты считаешь, что думает твой муж (твоя жена) по этому вопросу, и считаешь ли ты, что он или она думает то же, что и ты?»¹⁴⁷ Результаты этого опроса показали большие расхождения при действующем взаимопонимании. Очевидно, молодые пары нашли возможность забывать или игнорировать, что они на самом деле думают о том, что думает другой. Они уже не договариваются на этом уровне, а говорят совершенно конкретно: «Значит, сегодня мы идем в кино»; или: «Сначала

147 См. Friedrich Carl Joachim. *Authority, Reason, and Discretion* // Friedrich Carl Joachim (Ed.) *Authority* (Nomos I). Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1958.

нужно заплатить за это, а потом за то», или решают таким образом какие-то другие вопросы, возникающие в семейной жизни.

В Сант-Галлене в Швейцарии проводится исследовательский проект по особому методу риск-менеджмента – диалогу, на котором встречаются представители промышленности, страховых компаний, политики или активисты гражданских инициатив или просто какие-то люди, заинтересованные в протесте. Там тоже исследуется вопрос о том, можно ли выработать такую политику или линию коммуникации, при которой каждый участник будет соглашаться с тем, что другой думает иначе, чем он сам¹⁴⁸. Взаимопонимание строится по аналогии с прогнозом: будущего не видно, но зато видна та точка, в которой его необходимо изменить. Участники четко проговаривают, на каких предпосылках основывается их консенсус («При таких-то и таких-то условиях – то-то и то-то»), составляют сценарий – можно назвать это как угодно – и затем договариваются о следующих шагах. В дальнейшем они могут вспомнить, что основанием сделки было то-то и то-то и теперь это основание «отпало», если использовать юридическую формулировку.

Так что вполне возможно, что наша прежняя, если можно так сказать, культурная программа риторики, техники убеждения, аргументация, господства, денег или даже любви (как коммуникативного явления) достигла своих пределов и теперь нам придется с трудом учиться работать с таким взаимопониманием, которое не задумано как воздействие на фактические мнения. В свое время люди с таким же трудом учились религиозной толерантности.

А теперь я хочу сказать еще несколько слов об устности и письменности, чтобы уже сегодня пройти этот раздел. Я полагаю (во всяком случае, так мне подсказывает мой обычный опыт), что когда речь идет о коммуникации, вы тоже всегда представляете себе двух человек. Один что-то говорит, другой слушает и потом тоже что-то говорит, и тогда первый, в свою очередь, слушает. То есть вы представляете себе устную коммуникацию. Насколько я знаю историю слова «коммуникация», оно всегда фокусировалось прежде всего на этом. То, что Аристотель об-

щается со мной, является скорее кабинетным представлением и вряд ли сможет стать частью обычного разговорного языка. Это характерно и для начала Нового времени. Я имею в виду те пассажи у Галилея, где он выражает свое удивление по поводу того, что благодаря книгопечатанию – тогда речь шла именно об этом – мы общаемся с индийцами, с теми, кто уже давно умер, и с теми, кто еще даже не родился. Его удивление обусловлено тем, что обычная ситуация устной коммуникации этого лишена. Как я могу говорить с кем-то, кто еще даже не родился? Как я могу услышать то, что сказал Данте? Отсюда возникает вопрос, как мы приходим к такому понятию коммуникации, которое охватывает и этот феномен? Или же мы будем считать это «паракоммуникацией», т.е. не коммуникацией в собственном смысле слова? Я не знаю, удалось ли Хабермасу включить письменность в свою теорию коммуникации. Действительно ли он полагает, что вся масса текстов читается? Но кто что читает? Ведь по сути коммуникация, согласно Хабермасу, должна гарантировать, что все как минимум читают одни и те же тексты, но этого невозможно добиться даже в рамках одного семинара, не говоря уже обо всем человечестве. Собственно говоря, вся письменная коммуникация ускользает от этих рассуждений и модельных построений.

Но чего же в таком случае достигает письменная коммуникация? Ее достижение заключается в том, что исчезают пространственные и временные границы, что в принципе, если текст стабилен по своим физическим свойствам, не распадается и не разрушается, можно вступить в коммуникацию с удаленными территориями. Сейчас, конечно, это можно сделать и по телефону, но вы видите, что посредством факса это снова обретает письменную форму, потому что люди ведь никогда не берут трубку, когда им хотя бы дозвониться. Их тогда просто нет на месте, а факс быстро приходит им на аппарат. Таким образом, письменность преодолевает большие расстояния и, разумеется, временные дистанции, если вспомнить о книгопечатании и тому подобно. И теперь возникает вопрос, не теряется ли при этом единство? Вы помните, что я определил единство [коммуникации], исходя из понимания и предвосхищения (антиципации) понимания. Тот, кто делает сообщение, должен позаботиться о его понятности. Если он с трудом манипулирует лингвистически воз-

148 Königswieser Roswita, Haller Mathias, Maas Peter, Jarnai Heinz (Hrsg.) Risiko-Dialog: Zukunft ohne Harmonieformel. Köln: Deutscher Industrieverlag, 1996.

возможным, коммуникации довольно скоро наступит конец. Но что происходит с антиципацией понятности, с антиципацией горизонта приема, условий смысла, при которых коммуникация может продолжаться, если речь идет о веках или о передаче в абсолютно случайные, неизвестные горизонты приема? Коммуникация через время и расстояния происходит как бы на авось или наугад.

Существуют различные возможности представить себе эту ситуацию. Одна из них заключается в том, что всегда есть специфицированные способы коммуникации. Например, наука разделена таким образом, что ты всегда точно знаешь: ты что-то прочитал и получателей своих собственных творений представляешь таким образом, как будто они тоже это читали и именот соответствующую подготовку, и поэтому не разбрасываешься на другие дисциплины. Этот принцип действует не только в науке. Если посмотреть на экономику, то у отдельных фирм есть свои рынки, они знают эти рынки и их представителей и на других рынках вообще не смогли бы действовать. Условия коммуникации высоко специализированы. Это одна из сложностей, возникающих при перестройке экономики, скажем, при переводе военно-промышленных предприятий на выпуск товаров потребления: они просто не знают тех, с кем вступают в коммуникацию, не могут оценить условий приема их продукции, платежеспособность, критерии выбора и так далее. Для них это неизведанная территория.

Такие вопросы можно в какой-то мере скорректировать путем спецификации, но, наверное, еще важнее, чтобы тексты были понятны сами по себе. Есть много исследований о том, как письменность и впоследствии книгопечатание повлияли на грамматическую структуру текстов и предложений, и они показывают, что предложения должны быть понятны сами по себе или из предыдущих и последующих предложений, но не зависеть от ситуативных референций. Конечно, есть книги, предназначенные для специалистов. Это как раз случай первой группы корректировок, но и они не должны быть напичканы «indexical expressions», как это принято называть. У нас уже был один такой пример, когда я говорил об идее времени у Аристотеля, у которого в тексте еще используются такие слова как «вместе с тем» (zugleich), а «теперь» субстантивируется в «то ну» («das Jetzt») и так потом и встречается в тексте, и тогда приходится

усиленно размышлять над тем, что же такое существительное «теперь». Но когда говорят: «Теперь уже без пятнадцати шесть», все знают, что имеется в виду. Такого рода намеки на ситуацию должны исчезнуть, текст должен строиться совершенно иначе. Это одно из тех явлений, которые встречаются в школе или у людей с низким уровнем формального образования: у них еще есть ситуативные референции и они даже не замечают, что другой человек, с которым они говорят, вообще не понимает, о чем речь. Они привносят в предложение типичный язык низших слоев общества, эту неписьменную культуру и жонглируют такими словами, как «теперь», «вот только что» или «эта штука». При этом неизвестно, о какой штуке идет речь, и это дает понять, что они были социализированы не через письменную речь. При общении с крестьянами, живущими в швейцарских горах, мне бросилось в глаза то, что они в своем швейцарском немецком тоже пропускают глаголы и существительные, если смысл и так ясен; и если вам вообще удастся расслышать хоть что-то, то получаются совершенно неполные предложения, но этого, очевидно, достаточно для их коммуникации между собой. Это показывает, как письменная культура – а часть пожилых крестьян практически не ходила в школу, потому что летом они должны были быть на пастбище – проникает также в обычную членораздельную речь, так что нужно быть понятным для людей, которых ты не знаешь, и использовать такую же речь и для следующих поколений и людей, от которых нас отделяют большие расстояния. По этим вопросам сравнительно много написано. По средневековым текстам, возникшим из традиции устного рассказа, можно увидеть, что они предполагают знание рассказываемой истории. Слушатели уже слышали ее тысячу раз. *Chansons de gestes* или известные вам истории о Роланде¹⁴⁹ – вся их заслуга состоит в украшении деталями. Что-то добавляет, история удлиняется в том или ином направлении, а по тому, как создаются тексты, можно понять, что создатель не рассчитывает на их распространение через книгопечатание. Так что письменная коммуникация имеет иную структуру, и этой структуре понадобились столетия, чтобы утвердиться.

149 «Песнь о Роланде» – самая древняя из так называемых «Chansons de gestes» – рыцарских поэм французского средневековья.

Последний и совершенно открытый вопрос, на который я не знаю вообще никакого ответа, касается того, можно ли еще говорить о коммуникации в случае отказа от последовательности (Serialität), когда у нас есть компьютерные информационные системы, в которых мы от случая к случаю что-то выискиваем и затем сами по-новому это комбинируем и в которых одно предложение не следует за другим, а информация уже есть, и затем просто дается спектр ссылок на другую информацию. Человек сидит, прокладывает себе траекторию и выводит на экран то, что ему нужно, и при этом уже не может провести различие между информацией и сообщением. Таким образом, мы снова оказываемся наблюдателями первого порядка. Мы нажимаем на определенные клавиши, появляется определенный текст, который нужно прочитать и потом что-то из него сделать, может быть, вернуть его обратно в машину. Новый текст в этих современных гипертекстуальных системах не подписывается новыми именами, и таким образом формируется множество стимулов с огромным скрытым поглощением неопределенности и создается настолько же огромная неопределенность в выборе. Кто с кем коммуницирует? Адекватно ли вообще это понятие в данном случае? Или мы теперь стоим на пороге, откуда можно увидеть, что важные способы обработки информации в нашем обществе уже нельзя классифицировать как коммуникацию? Или же мы должны по-новому сформулировать это понятие, но как?

Я завершу эту часть замечанием о том, что, разумеется, все зависит от общества. Существуют ли подобные компьютерные системы, существует ли письменность или книгопечатание или нет и, соответственно, какое понятие коммуникации нам нужно, чтобы отразить то, что происходит, – все это обусловлено эпохой, обусловлено исторически и связано с тем, что нам предлагает общество.